

Когда таблицу забрали, взгляд Ли Шуанжань метнулся к галочке напротив пункта Классический танец и балет. Уголки её губ едва заметно дрогнули.

□Ли Шуанжань: уровень неприязни -3!□

— Иди жди там, — Ли Шуанжань постаралась, чтобы голос звучал ровно, но Вэнь Дай всё же уловила в нём едва заметную дрожь.

Вэнь Дай кивнула и, развернувшись, отошла к стене. Она прислонилась к зеркальной поверхности, наблюдая, как Ли Шуанжань продолжает собирать анкеты остальных участников. Движения Ли Шуанжань по-прежнему оставались изящными, но, принимая бумаги, она то и дело бросала случайные взгляды в сторону Вэнь Дай и тут же поспешно отводила глаза.

Когда все анкеты были собраны, Ли Шуанжань привела их в порядок и объявила результаты распределения. Когда прозвучало название группы Классический танец и балет, её голос стал мягче:

— Те, кто выбрал эту группу, прошу за мной.

Она повела семь-восемь новичков в соседний репетиционный зал. Вэнь Дай шла в самом конце, глядя на стройную спину Ли Шуанжань, и склонила голову набок.

— Чжоу Гэнь, я не переигрываю? Кажется, Ли Шуанжань сейчас совсем потерянная.

— Хозяйка, вы играете безупречно. Продолжайте в том же духе, водите этих Дочерей удачи за нос, как захотите!

— Как же приятно слышать, когда Чжоу Гэнь так говорит. Наконец-то я поняла, почему в древности евнухи пользовались таким расположением.

— Хозяйка, вы сейчас случайно не меня оскорбили?

— Нет, что ты, я тебя хвалю.

— Но я только что проверил...

— Всё, я буду тренироваться, не мешай.

— ...

В репетиционном зале всё уже было подготовлено: балетный станок сверкал чистотой, зеркала

сияли, а аудиоаппаратура была готова к работе. Ли Шуанжань встала перед зеркалом, окинув взглядом каждого участника.

— Раз уж вы выбрали эту группу, будьте готовы к трудностям.

Её голос вновь стал холодным и отстраненным, но, когда она посмотрела на Вэнь Дай, в её глазах промелькнуло что-то невыразимое.

— Танцы не терпят спешки, они требуют ежедневного упорства. В течение следующего месяца я, как староста группы, буду вместе с вами учиться у педагога. Предварительно: среда — балет, пятница — классический танец. А теперь давайте разомнемся.

Она показала несколько базовых движений, и её гибкое тело вычертило в воздухе изящные дуги. Вэнь Дай начала повторять — мышечная память прошлой жизни была ещё жива, и хотя движения выходили неуклюжими, это было куда лучше, чем полная беспомощность.

Ли Шуанжань ходила между участниками, давая советы. Проходя мимо Вэнь Дай, она на мгновение замедлилась.

— Запястья подними чуть выше, — тихо сказала она, но не стала поправлять сама, сохраняя необходимую дистанцию.

Вэнь Дай скорректировала позу и увидела в зеркале, что Ли Шуанжань стоит прямо за её спиной, внимательно следя за каждым движением. Когда Вэнь Дай выполняла поворот и едва не потеряла равновесие, Ли Шуанжань инстинктивно протянула руку, чтобы поддержать её, но Вэнь Дай успела выровняться сама.

Ли Шуанжань опустила глаза и отвела застывшую в воздухе руку.

— Следи за центром тяжести, — в её голосе послышалась сдержанная забота.

□Ли Шуанжань: уровень неприязни +1!□

Тренировка продолжалась. Под ярким светом ламп Вэнь Дай видела, как на висках Ли Шуанжань выступили мелкие капельки пота, но та продолжала безупречно демонстрировать каждое движение.

Когда последнее базовое упражнение было закончено, Ли Шуанжань хлопнула в ладоши:

— На сегодня всё. До выходных выучите эти пять движений, на следующей неделе проведу проверку.

Участники потянулись к выходу. Вэнь Дай собирала вещи, когда услышала голос Ли Шуанжань за спиной:

— Младшая сокурсница, я очень рада, что ты всё-таки выбрала мою группу.

Вэнь Дай обернулась и увидела, что Ли Шуанжань опирается на станок, в её глазах читалась какая-то робкая надежда.

— Просто я чуть лучше разбираюсь в балете, не стоит придавать этому лишнее значение.

□Ли Шуанжань: уровень неприязни -1!□

Лицо Ли Шуанжань побледнело, она, казалось, хотела что-то добавить, но в конце концов лишь тихо произнесла:

— До встречи на следующей неделе.

Выходя из зала, Вэнь Дай оглянулась. Ли Шуанжань всё ещё стояла на том же месте, и в пустом зале она казалась совсем одинокой.

Четверг.

Полужинав в столовой, Вэнь Дай вернулась в общежитие и застала Юнь Лосинь за примеркой своих сапог.

— Куда мы всё-таки идем? — Вэнь Дай была в полном недоумении.

Юнь Лосинь лишь загадочно улыбнулась:

— Узнаешь перед выходом.

Когда наступили сумерки, Юнь Лосинь наконец раскрыла цель их поездки. Она стояла у окна, глядя на очертания далеких гор, и её голос звучал так тихо, словно она разговаривала сама с собой:

— В храм Байюнь на окраине города.

— Храм? — Вэнь Дай, собиравшая сумку, замерла. — Я не верю в богов и призраков, зачем мне туда?

— Помолиться, — Юнь Лосинь обернулась. — Это святое место даосизма, к богам оно отношения не имеет.

Она достала из глубины шкафа темно-синий тканевый мешочек, расшитый серебряными нитями с узором восьми триграмм. Когда они приехали на окраину на последнем автобусе, уже начало смеркаться. Храм Байюнь приютился на склоне горы, ступени из синего камня холодно поблескивали в лунном свете. Красные стены храма облупились, но золотые иероглифы на табличке всё ещё четко выделялись: Храм Байюнь.

— Этот храм был построен в годы правления династии Мин, — голос Юнь Лосинь казался особенно отчетливым в горной тишине. — Внутри статуи основателей даосизма, говорят, они могут усмирять злых духов и даровать благословение.

Она толкнула тяжелую деревянную дверь, петли протяжно заскрипели, спугнув ночную птицу, притаившуюся под карнизом. Внутри храма почти не было следов недавних подношений, но царила атмосфера торжественности. Лунный свет пробивался сквозь ветви древних кипарисов, отбрасывая причудливые тени на каменный пол.

Юнь Лосинь уверенно повела Вэнь Дай в Зал Трех Чистых. Статуи в полумраке казались одновременно милосердными и грозными. Юнь Лосинь достала из мешочка принадлежности: три тонкие палочки благовоний с ароматом сандала, стопку желтой бумаги, излучающей мягкое свечение, и коробочку с киноварью, красной, как кровь. Она разложила всё на каменном столе с ловкостью человека, проделавшего это тысячи раз.

— Встань здесь, закрой глаза и загадай желание.

Голос Юнь Лосинь стал отрешенным. Она зажгла благовония и поклонилась статуям. Лунный свет падал на её опущенные ресницы, отбрасывая тень. Вэнь Дай заметила, что пальцы Юнь Лосинь слегка поглаживают определенное место на памятной табличке — камень там был заметно глаже и теплее, чем везде.

Вэнь Дай послушно закрыла глаза, но не знала, чего пожелать. Она перебрала многое: разбогатеть, прожить жизнь без бед, быстрее завершить задание... Но в конце концов прошептала про себя:

— Я хочу, чтобы в мире наступило всеобщее благоденствие.

— Хозяйка, это был самый позитивный момент.

— Спасибо.

Ночной ветер коснулся волос Вэнь Дай, принесся запах хвои и благовоний. Она почувствовала, как Юнь Лосинь приблизилась, и ощутила на запястье тепло — что-то легкое опустилось на

кожу.

— Не трогай, — Юнь Лосинь перехватила её руку, когда та хотела стряхнуть пепел. Её пальцы были ледяными. — Это пепел Талисмана сцепленных судеб.

Вэнь Дай опустила взгляд: на запястье виднелись следы пепла, странно мерцающие в лунном свете. Они складывались в древний, непонятный узор.

— Талисман сцепленных судеб, — голос Юнь Лосинь стал ещё тише, словно она боялась кого-то спугнуть. — Он поможет удержать истинную судьбу и избежать несчастий.

Она достала из мешочка красную нить с тремя медными монетами.

— Протяни руку.

Вэнь Дай нерешительно протянула запястье. Юнь Лосинь повязала нить, монетки звякнули друг о друга.

— Это монеты пяти императоров, они освящены, — её пальцы на мгновение задержались на коже Вэнь Дай, передавая тепло. — Они отгоняют зло.

Сгущались сумерки, храм казался всё более таинственным. Юнь Лосинь вела Вэнь Дай по коридорам, всегда обходя определенные углы — там, куда не проникал даже лунный свет, веяло могильным холодом.

— Не наступи на тень курильницы, — Юнь Лосинь внезапно схватила Вэнь Дай за руку.

Вэнь Дай посмотрела вниз: её носок был всего в паре сантиметров от тени. Юнь Лосинь легонько коснулась её запястья:

— Курильница собирает инь, а её тень — это средоточие темной энергии.

Вэнь Дай понимающе кивнула и обошла опасное место. Она заметила, что Юнь Лосинь специально избегает определенных плит, однажды даже сделав лишний шаг, чтобы обойти обычную на вид каменную плитку.

— Под ней закопаны монеты для защиты храма, — заметив её взгляд, пояснила Юнь Лосинь. — Старые монеты эпохи Ваньли, в них слишком много злой силы.

Они подошли к боковой комнате, Юнь Лосинь толкнула скрипучую дверь. Внутри было пусто, лишь бамбуковая кушетка и маленький столик с масляной лампой, пламя которой дрожало от

ветра.

— Посиди здесь немного, — голос Юнь Лосинь вдруг стал неуверенным. — Мне нужно... сходить за материалами для ритуала.

Это был первый раз, когда она солгала Вэнь Дай, и кончики её пальцев непроизвольно спрятались в рукава. Вэнь Дай послушно кивнула и села на кушетку, глядя, как лампа отбрасывает на стену её колышущуюся тень.

Юнь Лосинь быстро вышла, завернула за угол коридора и тут же вцепилась в облупленную красную стену. К горлу подступила кровь, она поспешно прикрыла рот рукавом, и на темно-синей ткани моментально расплылось темно-красное пятно. Откат был сильнее, чем она ожидала. Она опустилась на пол, чувствуя, как нестерпимая боль разрывает внутренности.

□Юнь Лосинь: уровень неприязни -10! Текущий уровень: 34.□

Вэнь Дай в комнате: ?

Насильственное изменение судьбы — это всегда вызов небесам, а судьба Вэнь Дай была окутана таким густым туманом, что любая попытка заглянуть в неё вызвала страшный откат. Юнь Лосинь дрожащей рукой отвернула рукав: талисман на её запястье, в точности повторяющий тот, что был у Вэнь Дай, раскалится. Или, вернее, это был Талисман сцепленных судеб. Начертанные киноварью знаки мерцали в лунном свете, словно живые, медленно пульсируя под кожей.

— Совсем с ума сошла... — Юнь Лосинь горько усмехнулась, вытирая кровь.

У неё был выбор — более безопасный талисман связи, но она выбрала самый опасный — Талисман сцепленных судеб. Связь обычно гарантировала жизнь и смерть на двоих, но этот талисман означал, что если Вэнь Дай умрет, Юнь Лосинь погибнет от отката, а если Юнь Лосинь умрет первой, на Вэнь Дай это никак не повлияет.

Из боковой комнаты доносилось потрескивание лампы. Юнь Лосинь с трудом поднялась на ноги. Она вспомнила первое гадание на Вэнь Дай — сплошной туман, невозможно предсказать удачу или беду, но всё это переплеталось с её собственным любовным испытанием. Учитель говорил: любовное испытание можно либо пройти, либо погибнуть в нём, без шанса выйти невредимой.

Она, опираясь на стену, медленно побрела к Залу Трёх Чистых. Лунный свет бесцеремонно вытягивал её тень в длинную полосу. В курильнице перед статуями догорали благовония. Юнь Лосинь опустилась на колени.

— Оно того стоит, — прошептала она. Талисман на запястье снова начал жечь, словно в ответ.

Помимо связи судеб, главная функция этого талисмана — чувствовать опасность, грозящую другой стороне. Если Вэнь Дай угрожала беда, Юнь Лосинь принимала удар на себя. Вспоминая боль от отката, она вдруг тихо рассмеялась. Она вспомнила, как дрожали ресницы Вэнь Дай, когда та загадывала желание, и как нежно ощущалась кожа её запястья, когда она завязывала красную нить.

— Сама напросилась на страдания.

Лунный свет проникал сквозь резные оконные рамы, расчерчивая пол причудливыми тенями. Учитель также говорил, что этот талисман — самое глупое, что придумали в школах магии. Тогда она не понимала, как кто-то может решиться на такое. Теперь она поняла: дело не в отсутствии выбора, а в том, что когда любишь, добровольно идешь на любые муки.

Ночной ветер заставил звенеть колокольчики под карнизом. Внезапно ударил храмовый колокол, его гул разнесся по ночному небу. Юнь Лосинь посмотрела на луну, поднялась и вернулась в боковую комнату:

— Вэнь Дай, пора идти.

— Хорошо, — Вэнь Дай, уже успевшая заскучать, вскочила и вышла на улицу.

Ночь была черна, как чернила. Но едва они отошли от храма, как окружающий пейзаж начал искажаться. Каменные ступени, только что бывшие четкими, странно растягивались, а древние кипарисы по обе стороны словно двигались невидимыми руками. Каждый раз, поворачивая, они возвращались к старой красной двери храма.

— Призрачная стена, — уголок губ Юнь Лосинь изогнулся в холодной усмешке. Она сложила пальцы в печать перед грудью. — И такие дешевые фокусы они смеют показывать мне?

Она провела пальцами перед глазами, и в её взгляде вспыхнуло бледно-зеленое сияние:

— Прозрение, разрушить преграду!

В воздухе раздался звук бьющегося стекла, иллюзия рухнула. Перед ними предстал призрак девушки в рваном свадебном платье, с мертвенно-бледным лицом, покрытым паутиной кровавых шрамов, и черными, как смоль, пальцами. Она посмотрела на Юнь Лосинь и холодно усмехнулась:

— А ты кое-что умеешь.

Затем она перевела взгляд на Вэнь Дай, и её глаза наполнились глубокой тьмой, а голос заскрежетал, словно битое стекло:

— Обладательница тела Инь, и ты смеешь вторгаться в мои владения ночью?

Вэнь Дай неловко улыбнулась, незаметно отступила назад и спряталась за спину Юнь Лосинь, выставив наружу только макушку. Юнь Лосинь успокаивающе похлопала её по руке. Призрак увидела близость между ними, и в её красных глазах закипела ярость:

— Больше всего на свете я ненавижу влюбленные парочки, а любовь между женщинами — это грех вдвойне!

Вэнь Дай дрожала всем телом, вцепившись холодными пальцами в подол Юнь Лосинь.

— Чжоу Гэнь! Я больше не играю, в этом мире правда есть призраки! Не надо так шутить с новым аккаунтом!

— Хозяйка, я вас не слышу, да, да, всё, отключаюсь, пока!

— ...Проклятая система!

Юнь Лосинь оставалась спокойной, её взгляд был равнодушен. Она сложила руки в поклоне:

— Мы не хотели беспокоить вас, прошу, будьте снисходительны.

— Снисходительны? — призрак разразилась безумным хохотом, рукава её платья затрепетали, обнажая костлявые руки. — Больше всего я ненавижу это слово!

Она взмахнула рукавами, и густая черная энергия мгновенно поглотила их.

— Раз пришли, оставайтесь здесь навечно!

Перед тем как последний луч лунного света погас во тьме, Вэнь Дай успела заметить серебряный блеск на запястье Юнь Лосинь.

...

Тьма отступила. Вэнь Дай обнаружила себя в просторном светлом кабинете. Солнце падало на стол из красного дерева, на стене висел позолоченный диплом Лучший репортер года, в воздухе пахло кофе и типографской краской. Она посмотрела на свои руки: в пальцах была зажата знакомая ручка — подарок начальницы из прошлой жизни. На экране компьютера открыта газетная статья: В погоне за наживой: секретарь провинции А замешан в коррупции!

— Репортер Вэнь! — в кабинет ворвался мужчина в очках, сияя от восторга. — Ваш репортаж о

коррупции взорвал интернет! Вас приглашают на интервью, пришло много писем с благодарностями...

Вэнь Дай заворуженно коснулась своего журналистского удостоверения на столе — на фото она выглядела уверенной, без той тени, что преследовала её в прошлой жизни. Телефон постоянно вибрировал, экран заполнили предложения о сотрудничестве, даже пришло анонимное сообщение с обещанием огромного вознаграждения за изменение угла подачи материала.

Она подошла к окну, рассеянно поглаживая холодное стекло. Улица внизу напоминала поток, зеркала машин сверкали, как цепочка бусин, звонки электроскутеров и гудки авто сливались в городской шум. В момент, когда она обернулась, свет ламп ослепил её. Стол был завален подарками, люди вереницей входили в кабинет, и эта приторная лесть, казалось, проникала в кровь через поры. В этом водовороте роскоши жизнь пыталась поглотить её.

Но она сжала кулаки и выбросила все подарки за дверь. Мужчине в дорогом костюме, пытавшемуся всучить толстый конверт, она твердо ответила:

— Новости — не товар, правду нельзя оценить в деньгах.

Бизнесмену, предлагавшему огромную сумму за молчание о скандале с недвижимостью, она также отказала.

За пределами иллюзии раздался яростный визг призрака:

— Как это возможно! Люди алчны, почему эта женщина не хочет власти и богатства!

Вэнь Дай погладила обложку своего блокнота, её глаза были ясными и твердыми:

— Я хочу сделать этот мир хоть немного лучше.

Иллюзия начала таять. Сцена сменилась её старой съемной квартирой. На полках книги по журналистике, на стене девиз: Справедливость на плечах, правда в словах. Ноутбук был включен, на экране — тот самый неопубликованный репортаж.

Голос призрака дрожал от неверия:

— Ты могла получить всё, почему ты цепляешься за это пустое имя?

Вэнь Дай взяла фотографию из детского дома и коснулась улыбающихся лиц детей:

— Это не пустое имя.

— Ты... ты слышишь меня? — иллюзия затряслась, в крике призрака слышалось отчаяние. — Невозможно! Я видела тысячи человеческих душ, как желания человека могут быть... настолько великими и чистыми!

Вэнь Дай тихо рассмеялась, достала из ящика значок Лучшего репортера — металл мягко сиял в свете лампы, отражаясь в её ясных глазах.

— Ты права, люди алчны, — она сжала значок в ладони. — Но я жажду не славы и денег, я жажду ясного неба, мира, где никто не голодает и не мерзнет, мира всеобщего равенства!

В этот момент иллюзия разлетелась вдребезги.

<http://bllate.org/book/18829/1833135>